

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

*Андрей Викторович Болдырев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).
E-mail: boldirew.andrei2011@yandex.ru*

Аннотация. Первая Мировая война сделала необходимой для Турции выработку новых ориентиров. Главной целью турецкой внешней политики стало выживание Республики в ее этнографических границах. После Лозаннской конференции 1923 г. бывшие противники Турции приобрели статус ее соседей, благодаря получению мандатных прав на территории бывшей Османской империи — Мосул и Александретта (Искендерун). В 1920 г. эти территории были включены в границы турецкого национального государства. В 1920–1930-х годах вопрос об этом стал главной проблемой во франко-турецких и британо-турецких отношениях. В основу кемалистской дипломатии был положен принцип балансирования: сочетание долгосрочных отношений с СССР с политикой лавирования в отношении западных держав. Турецкая дипломатия сочетала балансирование с собиранием остатков османских земель: Карсский договор 1921 г., решение проблемы Александреттского санджака в 1939 г. К концу 30-х годов Республика завершила процесс легитимации своего международного статуса. В статье акцентируется внимание на том, что Турция является одной из первых полуколониальных стран, которая завоевала национальную независимость и стремилась развивать дружественные отношения со всеми странами. Примером тому было стремление установить таковые с Грецией, Италией и особенно Великобританией и Францией. Благодаря этому к середине 1930-х годов Турецкая Республика превратилась в сильнейшую страну Ближнего и Среднего Востока. Это заставило Великобританию и Францию воспринимать Турцию как равноправного актора.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Великобритания, Франция, Ирак, Мосул, Сирия, Александреттский санджак, Хатай, Кемаль Ататюрк, Ближний Восток.

A. V. Boldyrev

The Turkish Factor in the Politics of the Great Britain and France in the Interwar period

*Andrey Boldyrev, the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: boldirew.andrei2011@yandex.ru*

Abstract. The First World War made it necessary for Turkey to find its new orientation, establish new goals. The goal of Turkish diplomacy was the survival of the

Republic within its ethnographic borders. After the Lausanne Conference of 1923 the former enemies of Turkey acquired the rights to control the territories of the former Ottoman Empire — Mosul and Alexandretta (Iskenderun). In 1920 these territories were included in the Turkish national state. In the 1920–1930s solving this problem became the main goal of Turkish foreign policy. Kemalist diplomacy was based on the principle of balance: a combination of long-term relations with the Soviet Union and the policy of maneuvering in regard of the Western powers. Turkish diplomacy combined balancing with the gathering of the remains of the Ottoman lands: Kars Treaty in 1921, the solution to the problem of the Alexandretta Sanjak in 1939. By the end of the 1930s, the Republic had completed the process of legitimation of its international status. The article focuses on the fact that Turkey is one of the first semi-colonial countries, which won national independence, and sought to develop friendly relations with all countries. An example of this was the establishment of friendly relations with Greece, Italy, France, and Britain. Thanks to this policy, by the mid-30s the Turkish Republic had become the strongest country in the Middle East. This made the UK and France see Turkey as an equal player.

Keywords: Turkish Republic, Great Britain, France, Iraq, Mosul, Syria, Alexandretta Sanjak, Hatay, Kemal Ataturk, Middle East.

Особенность международного положения Турции после Лозаннской конференции 1923 г. заключалась в том, что ее бывшие противники приобрели статус соседей благодаря получению мандатных прав на территории бывшей Османской империи, которые в Национальном обете 1920 г. были включены в границы турецкого национального государства: Мосул и Александретта (Искендерун). В 1920–1930-х годах вопрос об этих бывших османских провинциях был главной проблемой во франко-турецких и британо-турецких отношениях. До решения вопроса о принадлежности этих земель страна находилась в относительной международной изоляции. Великобритания и Франция, которым оказывали поддержку США, не собирались отказываться от своих старинных привилегий. Французская и особенно британская дипломатия пытались использовать в своих интересах внутренние трудности Республики, чтобы помешать кемалистам стабилизировать положение в стране, ослабить их позиции в регионе и таким образом укрепить еще более свое влияние на Ближнем Востоке, заметно усилившееся после Первой мировой войны.

Спор о территориальной принадлежности Мосула стал одним из главных после лозаннских переговоров. Эта провинция Османской империи была оккупирована англичанами после Мудросского перемирия в октябре 1918 г. Потеря Мосула лишала турок нефтяных месторождений и позволяла англичанам постоянно угрожать Турции, опираясь на многочисленные курдские племена, живущие в этой провинции. Все это создавало почву для взаимных подозрений. Турки были уверены, что именно Лондон спровоцировал восстание шейха Сеида в 1925 г., чтобы показать Лиге Наций: Анкара не способна обеспечить порядок в этом регионе¹. Со своей стороны британские политики не исключали, что кемалисты намеренно дали разгореться восстанию, чтобы получить повод для захвата Ирака. Пробританская позиция комиссии Лиги Наций склонила чашу весов в пользу Лондона². К тому же перспектива закрепить Мосул за Ираком заставила даже крайних оппозиционеров из числа иракских националистов поддержать продление

¹ Жевахов А. Кемаль Ататюрк. М., 2008, с. 285.

² Гуцало С. Е. Проблема Мосула в контексте становления независимой Турецкой Республики в 20-е гг. XX века. — Турция в XX веке. М., 2004, с. 92.

британского мандата, который был подписан 13 января 1926 г. в виде англо-иракского договора. Не рискуя ввязываться в новый вооруженный конфликт, в Анкаре решили отказаться от Мосула. Компромисс по Мосулу должен был удовлетворить Великобританию и облегчить переговоры Турции с Францией и Италией по экономическим вопросам³. 5 июня 1926 г. дискуссии завершились подписанием англо-иракско-турецкого договора. По договору признавалась Брюссельская линия с небольшими исправлениями, Мосул оставался в пределах Ирака⁴.

Что касается Александретты, то мандат на управление этой территорией был передан Франции 29 сентября 1923 г. В условиях кризиса колониальной системы в конце XIX — начале XX в., когда прямое колониальное управление и протекторат изжили себя, новые территории передавались колониальным державам на условиях временного управления. Проводившаяся Францией политика децентрализации, которая имела целью ослабить местное национальное движение, привела к образованию в 1921 г. на севере Сирии автономного Александреттского санджака (Искендерун)⁵. В отличие от решения мосульского вопроса соглашение с Францией в Турции считали временной уступкой. По словам А. Б. Жевахова, «французы надеялись, что введенный в этом регионе по соглашению с Анкарой специальный административный режим несколько успокоит турок. Напротив, эти привилегии только разжигали желание турок требовать большего — присоединения Хатая к Турции... Каждый раз Кемаль обещал “освобождение” Хатая»⁶.

Стремление Ататюрка проводить независимую внешнюю политику вызывало раздражение западных держав, опасавшихся, что его пример повлияет на позицию других стран Востока. В начале 1930-х годов отношения Турции с западными державами отличались известной напряженностью. Тем не менее, подписав в 1926 г. соглашения с Великобританией и Францией относительно подмандатных территорий, Турция завершила период «неофициальных дипломатических и торговых сношений»⁷.

В 1930-е годы для Анкары было характерно внимание к сохранению баланса, предполагавшегося Лозаннским мирным договором, несмотря на все внешнеполитические проблемы (политика позитивного нейтралитета). М. Чобан в связи с этим называет курс Ататюрка «контролируемой, осторожной и согласованной модификацией статус-кво»⁸. Так, при решении спорных проблем, в частности, связанных с принадлежностью районов Мосула и Александретты и с режимом Проливов, Турция предпочитала идти на компромисс. В 1930 г. турецкая дипломатия сделала первый со времени урегулирования мосульского вопроса шаг в сторону сближения с Великобританией. Активизировались связи Турции с Францией. В это период Анкару беспокоили имперские амбиции Муссолини в отношении Балкан и Средиземноморья в целом⁹. Договор с Римом, заключенный 30 мая 1928 г., временно уменьшил эти опасения. В феврале 1934 г. был подписан Балканский пакт — «оборонительный альянс» между Румынией, Грецией, Югославией и Турцией.

³ Mango A. Atatürk. The Biography of the Founder Modern Turkey. Woodstook — New York, 2000, p. 375.

⁴ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007, с. 191.

⁵ Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М., 2015, с. 25.

⁶ Жевахов А. Указ. соч., с. 319. Хатай — область на юге Сирии с городами Искендерун (Александретта) и Антакья (Антиохия).

⁷ Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы. М., 1925, с. 191.

⁸ Çoban M. A Re-evaluation of the Revisionist — Status Quo Dichotomy in Interwar Turkish Foreign Policy, 1936–1939. — New Middle Eastern Studies, 2018, v. 8 (1), p. 18.

⁹ Болдырев А. В. Черноморские проливы в советско-турецких отношениях в 1939–1941 гг. — На последнем рубеже. К 75-летию Московской битвы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московской битвы. М., 2017, с. 17.

Кемаль Ататюрк придавал ему большое значение. «Больше не будет конфликтов на Балканах», — заявил он¹⁰. Но в благодушном настроении турецкий президент пребывал недолго. Через месяц после подписания Балканского пакта Муссолини произнес речь, объявив об экспансии Италии в Африке и Азии¹¹. Правительство Италии стремилось к захвату всей Северной Африки, включая Египет, к овладению Суданом и Аравийским полуостровом. Предположительно агрессивные планы Рима распространялись на южные районы Турции и Сирию¹². Вслед за созданием Балканской Антанты в 1934 г. и нападением Италии на Эфиопию в 1935 г. Греция и Турция заключили в 1936 г. «джентльменское» соглашение с Великобританией, касавшееся ситуации в Средиземноморье¹³. Намечившееся с этого времени усиление британского влияния в Турции способствовало еще большему укреплению греко-турецкого союза. Используя поддержку Великобритании и Советского Союза, Турция восстановила суверенитет над Проливами и добилась права их ремилитаризации (конвенция Монтрё 1936 г.)¹⁴.

Не менее сложную задачу решала турецкая дипломатия и в ближневосточном регионе. Ататюрк намеревался создать широкий пакт с участием стран Ближнего и Среднего Востока. Однако позиция арабских стран не способствовала этому из-за упразднения халифата и светского характера Турецкой Республики. В итоге усилия турецкой дипломатии привели к подписанию Саадабадского пакта с участием ограниченного числа стран — Турции, Ирана, Афганистана и Ирака¹⁵. Проводя активную политику и в Европе, и на Востоке, Турция стала как бы связующим звеном между Востоком и Западом. Ее усилия способствовали образованию системы пактов от Европы до Среднего Востока, так как Югославия и Румыния были членами Малой Антанты и Балканской Антанты, Турция — Балканской Антанты и Саадабадского пакта, а Ирак представлял Саадабадский пакт в арабском мире. Многие исследователи скептически относятся к итогам деятельности Ататюрка по выстраиванию коллективных пактов в Европе и на Среднем Востоке. По мнению А. Кылыча, «ни Балканский пакт, ни Саадабадский пакт не стали эффективными мерами коллективной безопасности, которые он (Ататюрк. — А. Б.) предусматривал»¹⁶.

До обострения обстановки в Европе и в Средиземноморье, происшедшего в результате борьбы за влияние между старыми колониальными империями и державами оси, Великобритания и Франция не проявляли большого интереса к Турции¹⁷. Турецкая политика нейтралитета сохранялась до тех пор, пока с середины 1930-х годов не началась борьба за привлечение Турции на ту или иную сторону в противоборстве великих держав в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке¹⁸. Особенно наглядно это прослеживается в вопросе о судьбе Александреттского санджака. Вплоть до 1936 г. Турция официально не возвращалась

¹⁰ Жевахов А. Указ. соч., с. 308.

¹¹ Болдырев А. В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений. — Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012, с. 437–438.

¹² История дипломатии, т. 3. М., 1965, с. 658.

¹³ Пир-Будагова Э. П. Указ. соч., с. 230.

¹⁴ Болдырев А. В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем..., с. 436–437.

¹⁵ Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017, с. 27.

¹⁶ Kiliç A. Turkey and the World. Washington, 1959, p. 73.

¹⁷ Гасанлы Дж. Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939–1945). М., 2017, с. 32.

¹⁸ Болдырев А. В. Конвенция Монтрё и политика балансирования Турецкой Республики между Востоком и Западом в XX–XXI вв. — Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016, с. 32.

к нему. Однако после прихода к власти во Франции правительства Народного Фронта последнее сразу же приняло решение превратить подмандатные территории в независимые государства. 9 сентября 1936 г. был парафирован франко-сирийский договор, радикально менявший судьбу санджака, поскольку предполагалось прекращение через три года французского мандата и вступление Сирии в Лигу Наций¹⁹. Согласно договору, Александреттский санджак входил в состав Сирии, что не предусматривалось в Анкарском договоре Франции с Турцией в 1921 г. 10 декабря 1936 г. Ататюрк объявил, «что дипломаты должны найти решение, чтобы передать Хатай (территорию Александреттского санджака — А. Б.) Турции»²⁰. К весне 1938 г. уличные столкновения в санджаке превратились в настоящую войну между турками и представителями иных национальностей. Франции пришлось уступить, чтобы не потерять поддержку Турции в той непростой ситуации, которая сложилась в канун Второй мировой войны в Восточном Средиземноморье²¹. На решение Франции повлияла также британская дипломатия, рассчитывавшая на окончательное вытеснение Франции из стран Леванта. 3 июля 1938 г. в г. Антакья между французским и турецким генеральными штабами было подписано соглашение, которое предусматривало введение в санджак турецких войск в количестве, равном французскому контингенту (по 2,5 тыс. человек). 4 июля 1938 г. в Анкаре был парафирован франко-турецкий договор о дружбе, после чего турецкие войска немедленно вступили на территорию санджака, который формально получил статус независимого «государства Хатай» (Natay Devleti)²². 23 июня 1939 г. одновременно в Анкаре и Париже были подписаны два документа. Анкарское соглашение объявляло, что Хатай окончательно присоединяется к Турции, парижское представляло собою декларацию о взаимной помощи. Ее текст совпадал с ранее заключенной англо-турецкой декларацией 13 мая 1939 г. о сотрудничестве и взаимной помощи в случае агрессии в районе Средиземного моря и взаимных консультациях по обеспечению безопасности на Балканах. Сирийское правительство отказалось признать переход Александреттского санджака к Турции²³.

В заключение следует отметить, что турецкий национализм 20–30-х годов воспринимался как концепция, спасающая страну от уничтожения и ведущая турецкое общество к прогрессу, чтобы обеспечить ему достойное место в семье европейских народов. Важная особенность национализма при Ататюрке — его преимущественно внутренняя направленность, что в отличие от иракского или сирийского аналогов уменьшало возможность внешних конфликтов на основе этой идеологии. Основной принцип внешней политики Турецкой Республики был выражен в тезисе «мир в стране, мир во всем мире»²⁴. Турция — одна из первых полуколониальных стран, завоевавших после первой мировой войны национальную независимость, стремилась к развитию дружественных отношений со всеми странами. Реализм политики Ататюрка проявлялся в том, что он не верил ни в постоянную дружбу, ни в постоянную вражду. Примером тому явилось стремление установить дружественные отношения с Грецией, Италией и особенно с Великобританией и Францией — главными врагами Турции в период Первой мировой войны. Благодаря подобной политике к середине 30-х годов Турецкая

¹⁹ Киреев Н. Г. Указ. соч., с. 228.

²⁰ Жевахов А. Указ. соч., с. 319.

²¹ Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992, с. 167.

²² Киреев Н. Г. Указ. соч., с. 229.

²³ История дипломатии, т. 3, с. 702.

²⁴ Восток в новейшее время: 1914–1945 гг., т. 5. М., 2006., с. 265.

республика превратилась в сильнейшую по своему экономическому и военному потенциалу страну Ближнего и Среднего Востока. Это заставило Великобританию и Францию воспринимать Турцию как равноправного регионального игрока.

Библиография

Болдырев А. В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений. — Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012, с. 434–458.

Болдырев А. В. Конвенция Монтрё и политика балансирования Турецкой Республики между Востоком и Западом в XX–XXI вв. — Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016, с. 29–42.

Болдырев А. В. Черноморские проливы в советско-турецких отношениях в 1939–1941 гг. — На последнем рубеже. К 75-летию Московской битвы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московской битвы. М., 2017, с. 15–22.

Восток в новейшее время: 1914–1945 гг., т. 5. М., 2006.

Гасанлы Дж. Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939–1945). М., 2017.

Гурко-Кряжсин В. А. Ближний Восток и державы. М., 1925.

Гуцало С. Е. Проблема Мосула в контексте становления независимой Турецкой Республики в 20-е гг. XX века. — Турция в XX веке. М., 2004, с. 87–107.

Жевахов А. Кемаль Ататюрк. М., 2008.

Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017.

История дипломатии. т. 3. М., 1965.

Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007.

Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М., 2015.

Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992.

Coban M. A Re-evaluation of the Revisionist — Status Quo Dichotomy in Interwar Turkish Foreign Policy, 1936–1939. — New Middle Eastern Studies, 2018, vol. 8 (1), p. 1–22.

Kiliç A. Turkey and the World. Washington, 1959.

Mango A. Atatürk. The Biography of the Founder Modern Turkey. Woodstock — New York, 2000.

References

Boldyrev A. V. Chernomorskie prolivy v sovetsko-turetskikh otnosheniakh v 1939–1941 gg. — Na poslednem rubezhe. K 75-letiiu Moskovskoi bitvy. Materialy nauch-no-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu Moskovskoi bitvy [Black Sea Straits in the Soviet-Turkish Relations in 1939–1941. — At the last frontier. To the 75th Anniversary of the Moscow Battle. Materials of the Scientific-Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Moscow Battle]. Moscow, 2017, p. 15–22. (In Russ.)

Boldyrev A. V. Konventsiiia Montre i politika balansirovaniia Turetskoi Respub-liky mezhdu Vostokom i Zapadom v 20–21 vv. — Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriia i sovremennost' [Montreux Convention and the Policy of Balancing the Republic of Turkey between East and West in the 20–21 Centuries. — Foreign Political Interests of Russia: History and Modernity]. Samara, 2016, p. 29–42. (In Russ.)

Boldyrev A. V. Konventsiiia Montre v proshlom i nastoiashchem rossiisko-turetskikh otnoshenii. — Musul'manskoe prostranstvo po perimetru granits Kavkaza i Tsentral'noi Azii [Montreux Convention in the Past and Present of Russian-Turkish Relations. — Muslim Space along the Perimeter of the Borders of the Caucasus and Central Asia]. Moscow, 2012, p. 434–458. (In Russ.)

Gurko-Kryazhin V. A. Blizhnii Vostok i derzhavy [Middle East and Powers]. Moscow, 1925. (In Russ.)

Gutsalo S. E. Problema Mosula v kontekste stanovleniia nezavisimoi Turetskoi Respubliki v 20-e gg. 20 veka. — Turtsiia v 20 veke [The Problem of Mosul in the Context of the Formation of an Independent Turkish Republic in the 1920s 20 Century. — Turkey in the 20 Century]. Moscow, 2004, p. 87–108. (In Russ.)

Hasanli J. Sovetskaia politika po rasshireniiu iuzhnykh granits: Stalin i azerbaidzhanskaia karta v bor'be za neft' (1939–1945) [Soviet Policy on the Expansion of the Southern Borders: Stalin and the Azerbaijani map in the struggle for oil (1939–1945)]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Istoriia diplomatii [The History of Diplomacy], vol. 3. Moscow, 1965. (In Russ.)

Ivanova I. I. Evoliutsiia blizhnévostochnoi politiki Turetskoi Respubliki (1923–2016) [The Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic (1923–2016)]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Kireev N. G. Istoriia Turtsii. 20 vek [History of Turkey. 20 century]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Pir-Budagova E. P. Istoriia Sirii. 20 vek [History of Syria. 20 Century]. Moscow, 2015. (In Russ.)

Potskhveria B. M. Turtsiia mezhdú dvumia mirovymi voïnami. Ocherki vneshnei politiki [Turkey between Two World Wars. Essays on Foreign Policy]. Moscow, 1992. (In Russ.)

Vostok v noveishee vremia: 1914–1945 gg. [The East in Modern Times: 1914–1945], vol. 5. Moscow, 2006. (In Russ.)

Zhevakhov A. Kemal' Ataturk [Kemal Atatürk]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Çoban M. A Re-evaluation of the Revisionist – Status Quo Dichotomy in Interwar Turkish Foreign Policy, 1936–1939. – New Middle Eastern Studies, 2018, vol. 8 (1), p. 1–22.

Kiliç A. Turkey and the World. Washington, 1959.

Mango A. Atatürk. The Biography of the Founder Modern Turkey. Woodstock – New York, 2000.